

были осуждены эдикты Гераклія и Констанція, я, какъ императоръ, такъ и патріархъ константинопольскій Павелъ были отлучены отъ церкви. Но дѣйствія папы оказались слишкомъ уже рѣшительными; благодаря счастливому для себя временному сточенію обстоятельствъ императорскій намѣстникъ, экзархъ Калліона могъ явиться въ Римъ съ вѣстною ватагою южно-италійскихъ арабовъ и византійцевъ, чтобы наказать папу. Мартина отвезли послѣ многихъ оскорбленій въ Константинополь, тамъ устроили надъ нимъ комедію суда и отправили въ Херсонесъ Таврической, гдѣ несчастный старикъ и умеръ. Римское населеніе ничего не могло подѣлать изъ этотъ разъ противъ насилія, такъ какъ это былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда императоръ имѣлъ за собою поддержку лангобардовъ. Но что наиболее характерною чертою всего этого эпизода является не окончное пораженіе папы, а его смѣлость въ лацеранскихъ рѣшеніяхъ,—явствуетъ изъ дальнѣйшаго: Констанцій лично побывалъ въ Римѣ, преслѣдованія православія продолжались въ Византіи, дѣлались попытки перевести ихъ въ Римъ,—и все-таки, въ концѣ концовъ, папы не переставали громить монобогизмъ и добились того, что къ концу этого же VII-го вѣка, въ 680 году, самъ императоръ Константинъ Погоматъ, родной сынъ фавстиска-монобогизта Констанція, собралъ соборъ въ Константинополѣ, и этотъ соборъ проклялъ всѣхъ монобогизтовъ и всю ересь. Торжество папства было полное, и усидивалось еще тѣмъ, что Погоматъ вскоре издалъ милостивый эдиктъ, которымъ объявлялъ ненужнымъ императорское утвержденіе для вновь избранныхъ епископовъ въ Италіи. Не слѣдуетъ думать, что эти мирныя отношенія между римскимъ престоломъ и византійскими императорами, наступившія въ самомъ концѣ VII столѣтія, могли сколько-нибудь замѣтно повліять на общій тонъ политики Рима и Византіи хотя бы въ теченіе 2—3 десятилѣтій: коренныя причины обоюднаго антагонизма были такъ глубоки и существенно важны, что достаточно было только повода для обнаруженія этой скрытой и сильной вражды.